

АРТЕФАКТ

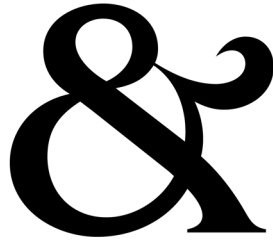

ДЕТЕКТИВ

**Читайте детективы
Юлии АЛЕЙНИКОВОЙ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Проклятие Ивана Грозного и его сына Ивана
Крест Иоанна Кронштадтского
Тайное сокровище Айвазовского
Нефритовая орхидея императрицы Цыси
Кровавый след бога мая
Тайна русского путешественника
Медальон Великой княжны
Клад последних Романовых
Перстень Григория Распутина
Крест великой княгини
Проклятие Пиковой дамы
Прощальный подарок Карла Брюллова
Золотой камертон Чайковского
Медальон с пламенем Прометея

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Медальон
с пламенем
Прометея

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Алейникова, Юлия.

А45 Медальон с пламенем Прометея : [роман] / Юлия Алейникова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-164587-8

Древнегреческий герой Прометей принес с Олимпа божественный огонь, а людям удалось заключить его в драгоценный рубин. Волшебный камень помогал его владельцу раскрыть подлинный талант. Рубин попал к поэту Владимиру Маяковскому, но тот не справился с силой божественного пламени и застрелился... В Ленинграде пятидесятых годов жестоко убит поэт Афанасий Зыков — он зарезан в собственной постели. С груди убитого пропал старинный медальон с огромным рубином. Никто из близких поэта не знает, откуда и когда появился у него этот камень и почему он так ревностно хранил его от посторонних...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164587-8

© Алейникова Ю., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ПРОЛОГ

Володик доказал мне, какой это чудовищный эгоизм — застрелиться. Для себя-то это, конечно, проще всего...

ЛИЛЯ БРИК

Сентябрь 1917 г. Санкт-Петербург

Ирина, кого ты привела? Что это за тип? Что за нелепое знакомство, он похож на ломового извозчика, к тому же наверняка большевик! — взволнованно шептал Владимир Карлович на ухо своей легкомысленной дочери, удерживая ее за локоток в прихожей.

— Ну, разумеется, большевик! — фыркнула та, окидывая родителя полным независимого превосходства взглядом. — А вы кого бы желали видеть, члена императорской фамилии?

— Ирина! — захлебываясь возмущением, шепотом воскликнул Владимир Карлович.

— Успокойся, папа, он не большевик. Он художник, футурист, к тому же поэт, а форма — это так, временное. Он служит в автомобильной школе, по-моему, очень современно. И вообще, он очень инте-

ресный человек, сильный, открытый, смелый, он как глоток свежего ветра, не то что твои крысopodobные знакомые, шушукуются по углам, трясутся, так что из них пыль веков сыплется.

— Ирина, мои знакомые достойные люди, заслуженные, из приличных фамилий, а то, что сейчас честным людям жить стало страшно, так то не их вина! А впрочем, — тут же потухая, вяло проговорил Владимир Карлович, — пойдём в гостиную, а то твой гость наверняка заскучал. Да и мама, наверное, растеряна.

Громоздкий молодой человек с мощной челюстью и громким голосом плохо вписывался в обставленную фамильным кленовым гарнитуром столовую. Не гармонировал он с тонкой вязью золотых ирисов на темно-зеленых обоях, с изящной сервировкой стола и хозяевами квартиры, старомодно чопорными, тихими и невыразительными супругами, бароном Владимиром Карловичем Гоггерном и его женой Натальей Романовой.

Обед проходил в натянутой обстановке, вызывая у хозяев чувство неловкости. Впрочем, неловко себя чувствовало исключительно старшее поколение, дочь хозяев Ирина Владимировна, бойкая короткостриженная девица, с вытянутым, как у отца, лицом и светлыми прозрачно-голубыми глазами, ее кузина Эльза Оттовна и гость вели себя исключительно раскованно и свободно.

Молодой человек с аппетитом закусывал, презрительно поглядывая по сторонам, говорил громко, уверенно, не стесняясь собственных оригинальных, а скорее, даже вызывающих суждений.

Девушки его во всем поддерживали и так же высокомерно и снисходительно реагировали на редкие реплики и замечания Владимира Карловича и его супруги.

— Вы совершенно правы, Владимир Владимирович, — громко восклицала Ирина Владимировна, косясь на отца. — Пушкин и Лермонтов — это все уже устарело, нужны новые формы, яркие, выразительные, созвучные времени, и мне кажется, сейчас появляется очень много талантливых молодых людей. Вет какой-то свежестью, новизной. А как вам нравится Ахматова? Цветаева? Гумилев, Волошин? А Блок? Разве не прелесть? Хотя и они уже не так новы, а вот Сергей Есенин? Что вы думаете о Есенине?

— Этот имажинист в лаптях и рубахе? Да видали вы когда-нибудь что-то более нелепое? Это же шут гороховый! — фыркнул очередной раз, взмахнув огромной ручищей, гость. — А впрочем, парень талантливый, если из этих карикатурных «мужичков» кто и оставит свой след в искусстве, то уж он. Хотя, конечно, все эти березки-елочки... не про революцию все это, не про то, что за окном грохочет. Вяло, сладко, аж до приторности.

Громоздкий молодой человек был не глуп, образован, но при этом как-то неприлично громок, неуклюж и резок. Суждения его были вызывающе независимы, насмешливо оскорбительны, а его солдатская форма и грубоватые манеры неуместны в степенной респектабельной столовой барона. Супруга Владимира Карловича, тихая, кроткая Наталья Романовна, с немым ужасом смотрела то на дочь, то на гостя. Он виделся ей кем-то вроде людоеда с далеких тропических островов.

Она то и дело испуганно вздрагивала, когда гость взмахивал зажатым в могучем кулачище ножом, словно боялась, что он того и гляди кинется на них. Жестикулировал гость размашисто и, казалось, заполнял собой всю комнату.

А вот Ирина Владимировна смотрела на гостя с восторгом, впрочем, и в ее восторге было что-то неприличное, смотрела она на него как на заморского зверя или циркового уродца, чем вызывала брезгливое неодобрение отца.

Увлечение дочери всяким сбродом не сулило ничего хорошего. А впрочем, чего хорошего можно теперь ожидать в этом обезумевшем мире?

Барон тяжело вздохнул и неодобрительно взглянул на гостя, хвастливо обещавшего вырубить свое имя на скрижалях истории, и в этот момент в нем вдруг загорелась мстительная идея, а не помочь ли?

Барон нехорошо улыбнулся и внимательнее всмотрелся в молодого человека. А может, не стоит? Что ни говори, а все же из приличной семьи, гимназию окончил... семью имеет... мать, сестер...

В этот момент молодой человек весьма уместно и безапелляционно заявил, что всю труху, всех этих капиталовладельцев, всех буржуйско-купеческих кровососов и родовитых маразматиков с потомством революционные массы сметут с лица земли, вырастив на их месте нового свободного человека, гиганта мысли и духа.

Барон почувствовал некий зуд в руках и желание придушить этого нелепого, недалекого, безоглядного вершителя судеб. Да уж, куда там!

«Придется все же помочь... со скрижалями», — злорадно усмехнулся про себя барон.

— Что ж, — поднимаясь из-за стола, решительно перебил гостя Владимир Карлович, — я думаю, чаю можно будет выпить чуть позже. А пока я бы хотел показать нашему гостю кое-что из наследия той самой трухи, о которой скоро никто и не вспомнит, — суетливо потирая руки, с мягкой любезностью произнес хозяин дома. — Ирина, помоги маме накрыть на стол. А мы с вами, сударь, ненадолго отлучимся. — И крепко ухватив молодого человека за локоть, повлек его за собой.

Молодой человек состроил скусливую мину, но подчинился.

— Сюда, в мой кабинет, — любезно распахивая перед гостем двери, проговорил барон, и Владимир шагнул в плотно заставленную мебелью, заваленную бумагами, раскрытыми книгами и какими-то чертежами комнату. — Простите за беспорядок, это следствие моей увлеченности, знаете, как бывает, начнешь читать книгу, придет в голову какая-то идея. Спешешь ее проверить, хватаешься за новый том, старый откладываешь тут же в сторону, в надежде дочитать начатое через несколько минут, забываешь, потом в голову приходит новая идея или рождается вопрос, спешешь их проверить, и вот ты уже окружен, — барон обвел рукой кабинет, — целыми Гималаями фолиантов. И что ужасно? Рука не поднимается поставить их обратно на полки, ведь тогда забудешь, что хотел прочитать, и уже никогда не вспомнишь, и мысль потеряешь, и идею. Вот так и живу. — Он

смущенно улыбнулся: — А вы проходите, присаживайтесь, вот хоть сюда, в это кресло. Эти чертежи как раз можно уже выкинуть. Хлам.

И барон без церемоний сгреб на пол целую кипу бумаг.

— Садитесь. Сейчас я достану наше семейное сокровище. — И взгляд его впервые со времени их знакомства оживился, осветив лицо барона и придав ему выражение некоего остроумного лукавства.

Барон, повернувшись к гостю спиной, поколдовал возле старинного бюро, пузатого, покрытого затейливой инкрустацией, с бронзовыми финтифлюшками, затем, щелкнув несколькими ящичками, повозившись минуты две, заботливо прикрывая бюро спиной, повернулся к гостю, держа в руке небольшую шкатулочку.

Молча подошел к столу, достал из жилетного кармашка ключик на цепочке, отпер шкатулку и извлек оттуда другую коробочку, обтянутую потертым бархатом, с потемневшим от времени серебряным вензелем на крышке.

— Взгляните, молодой человек, — протягивая гостю футляр, таинственно понизив голос, предложил барон и откинул крышечку.

Внутри коробочка была металлической, вероятно, серебряной, и на зеркальной полированной поверхности сиял невероятным живым теплым светом язычок пламени. Нет, нет. Не пламени, так показалось Владимиру вначале. Это был камень. Да, камень. А ощущение живого пламени, очевидно, создавалось игрой света на полированной поверхности шкатулки.

— *Что это?* — без особого любопытства спросил Володя, глядя на непонятную вещь. — *Какой-то рубин?*

— *Эта вещица хранится в нашем семействе столетия, — глядя пристально на молодого человека, пояснил барон. — Еще со времен Каролингов, а может, и раньше.*

Камень как-то особенно ярко полыхнул, словно вспыхнул. Владимир невольно прищурился, подозрительно нахмурил брови.

— *И что это за фокус? В днище шкатулки керосин налит?*

— *Ну что вы! За кого вы меня принимаете, — вскинул голову барон. — Это священное пламя.*

— *Небесный огонь?* — *вновь теряя интерес, с смешкой спросил Владимир. — Должно быть, ваши предки были католическими шарлатанами, что дурили простой люд дешевыми чудесами? Может, еще и палец в шкатулку совали, чтобы доказать, что огонь настоящий?* — *небрежно спросил Володя, тщеславие этих замшелых аристократов его бесило. — В наш век такими балаганными фокусами уже никого не впечатлишь. — От его неприкрытого пренебрежения и откровенной прямолинейной грубости барона передернуло, но он стерпел.*

— *Ни в коем случае! Это пламя не касалось никого из представителей нашего рода. И это не просто огонек. Это пламя Прометея! — тихим торжествующим голосом сообщил барон, и темные, обычно неживые его глаза неожиданно сверкнули. — Вы же знакомы с греческой мифологией?*

— Разумеется, — сухо ответил Володя, теряя всякий интерес к древности.

Пламя Прометея! Пф!

— Прометей подарил людям божественный огонь, огонь, который вывел их из животного состояния и помог стать подобным богам. Этот огонь пробудил в них жажду знаний, стремление к совершенству, понимание красоты и способность к творчеству. Этот огонь — божественное вдохновение, превращающее обычного человека в великого творца. Вспыхивая внутри человека, он освещает все его существо и помогает видеть мир ярче, отчетливее, дарит такой прилив творческих сил и энергии, какой позволяет создать бессмертные творения, сияющие в веках! И не важно, что это, музыка, танец, живопись или поэзия. Правда, у всего в этом мире есть цена, тем более у вдохновения.

Владимир прикрыл ладошкой зевок.

— Я уже говорил, что никто из нашего рода не был истинным обладателем этой святыни, но время от времени, очень редко, мы делимся им, одалживаем его, — продолжал барон, проигнорировав поведение молодого гостя. — Например, последним истинным обладателем пламени был некий молодой человек, наш с вами соотечественник. Его звезда засияла чуть меньше ста лет назад. Это был пылкий талантливый юноша, весьма одаренный. Мой прадед был очарован им и, поддавшись душевному порыву, подарил юноше, а точнее, одолжил сию реликвию. Увы, юноша быстро сгорел, ибо огонь такой силы не может долго пылать в груди смертного.

— *Может, озвучите имя этого дарования? — скептически попросил Владимир.*

— *Пожалуйста. Михаил Юрьевич...*

— *На Лермонтова намекаете?*

— *Ну что вы, никаких намеков. Сей пламень мой прадед, по случаю находившийся в Пятигорске, снял с остывшей груди молодого человека. После смерти своего, скажем так, носителя огонь словно проступает на коже, выходит наружу, и его можно забрать, главное, не касаться его. Впрочем, это ненужные детали.*

Владимир внимательно взгляделся в лицо барона. Оно было лишено какого-либо намека на шутейность. Напротив, барон рассматривал заключенное в камень маленькое пламя с выражением глубокой задумчивости, словно полностью забыв о госте.

— *А раньше, много раньше, — бормотал барон, — был другой юноша, тоже невероятно одаренный. Практически отрок... Ах, что это было за чудо! Солнечный талант, яркий, ослепительный... — И барон едва слышно напел несколько музыкальных фраз.*

— *На Моцарта намекаете?*

— *Я же сказал, молодой человек, что эта реликвия принадлежит нам со времен Каролингов. Но за все время владения этой вещью лишь несколько раз она передавалась в руки посторонних и каждый раз возвращалась назад, к законным владельцам. А кстати, не желаете ли взглянуть поближе? — внезапно оживившись, предложил барон, протягивая гостю футляр. И лицо его вновь озарилось мгновенной вспышкой, высветив глубокие морщины и снова заставив вздрогнуть Владимира.*

Барону все же удалось разбудить его любопытство, и Владимир, низко наклонившись над футляром, взгляделся в сверкающее холодными лунными бликами серебро шкатулки и яркий слепящий свет единственного язычка пламени, трепыхавшегося в центре, теперь оно казалось свободным, не скованным гранями камня. Владимир протянул руку, чтобы ощутить его тепло и реальность, и оно вдруг потянулось к нему, словно живое.

— Не бойтесь, оно не обжигает руки, можете дотронуться до края шкатулки, не стесняйтесь, — ободрил его барон, заметив, как дрогнула рука гостя, и на худом лице его словно тень промелькнуло выражение неприятной глумливой угодливости.

Владимир дернул независимо плечом и опустил кончики пальцев в шкатулку, ухватив сияющий камень, и тут же пламя скользнуло к нему на ладонь, словно живое, оно ластилось к коже, согревая ее, и словно таяло.

К удивлению и испугу Владимира, теплое сияние живого огня буквально впиталось в его ладонь, освещая теперь ее изнутри, делая прозрачной, освещая желто-оранжевым светом мельчайшие складки кожи и кровеносные сосуды, он даже остановился на вздохе, затаив дыхание. А камень, напротив, погас. Он стал скучным, прохладным, чуть больше пятака... обыкновенный турмалин, очень бледный.

— Я... я не понимаю, я... еще один фокус?.. — разглядывая ладонь, спросил Владимир.

— Поздравляю вас, молодой человек, теперь в вас пылает великий огонь Прометея, скоро он доберется до вашего сердца, и тогда мы будем вправе ожидать

от вас поистине великих творений! — восторженно воскликнул барон, но восторженность эта была с привкусом какого-то иезуитского вероломства.

Впрочем, когда Владимир смог оторвать взгляд от своей ладони, в облике барона уже не было заметно ничего пугающего, он был обыденно уныл и скучен, а глаза его были мертвы и невыразительны.

— *Возьмите этот камень на память об уходящем мире и обо мне. Вот, цепочка, советую носить камень на шее, не снимая, — опуская в руку Владимира простую, потемневшую от времени цепочку, посоветовал барон.*

Владимир взглянул на камень и только сейчас заметил, что он оправлен тонкой золотой линией, наподобие подвески.

— *А теперь идемте, нас заждались, — нетерпеливо подтолкнул его к дверям барон.*

И еще долго потом в последующие дни и недели Владимир вспоминал это происшествие, разглядывая камень, и все меньше верил в реальность случившегося, виня во всем глупую чувствительность и буйную фантазию, которые сделали его легкой добычей старого злобного шутника, пожелавшего превратить его во всеобщее посмешище.

14 апреля 1930 г. Москва

Владимир оторвал взгляд от женщины, так беспомощно сложившей в мольбе руки, лепетавшей бессвязные уверения, и взглянул в окно, там за прозрачной гладью стекла синело глубокое апрельское небо, там орали как полоумные воробьи и хорошенькие прина-